

УДК 32.001
ББК 66
К 125

КАВКАЗ-2007. Ежегодник Института Кавказа. — Ер.: Институт Кавказа, 2009. — 256 с.

- К 125** Пятый выпуск Ежегодника посвящен итогам 2007 г. на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, Турции, России и США на Ежегодной конференции Института Кавказа в мае 2008 г. Статьи сборника посвящены различным аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2007 г.; в них отражена общая динамика политических и социально-экономических процессов на Кавказе, описано положение в сфере региональной безопасности, проанализированы перспективы конфликтного урегулирования.

Редактор: **Александр Искандарян**

Редколлегия и справочные материалы: **Нина Искандарян, Сергей Минасян**

Дизайн обложки: студия «*Matit*» / www.matit.am

Верстка: издательство «*Коллаж*» / www.collage.am

The Caucasus 2007. CI Yearbook. — Yerevan, CI, 2009. — 256 p.

The fifth CMI Yearbook sums up year 2007 in the Caucasus based on talks given at the Yearly CI conference in May 2008 by scholars coming from Armenia, Azerbaijan, Georgia, Turkey, Russia and the US. The volume includes analytical papers dealing with various aspects of life in the Southern and Northern Caucasus in 2007. The papers reveal the overall political, economical and social trends in the Caucasus, outline the situation in regional security, and analyze prospects for conflict resolution.

Edited by **Alexander Iskandaryan**

Copy editing and reference material by **Nina Iskandaryan and Sergey Minasyan**

Cover design by *Matit* / www.matit.am

Text layout by *Collage* / www.collage.am

ISBN 978-99941-2-219-6

ББК 66

© Институт Кавказа, 2009 г.

© 2009 by Caucasus Institute

Издание опубликовано при поддержке Швейцарского агентства развития и сотрудничества, Фонда Генриха Бёлля, Фонда Евразия Партнерство и Агентства международного развития США.

The publication of this volume was made possible by the support of the Swiss Development and Cooperation Agency, the Heinrich Böll Foundation, the Eurasia Partnership Foundation and USAID.

КАВКАЗСКИЕ КОНФЛИКТЫ И КОСОВСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ

АЛАН КАСАЕВ

Политический 2007 г. завершился в Грузии 5 января 2008 г., с выборами президента¹. Выборы эти были досрочными и прошли, как известно, по требованию разномастной грузинской оппозиции и под давлением Запада. Интересы у грузинских диссидентов и у «евроамериканского» лобби, естественно, были разные. Если политики и значительная часть населения Грузии были недовольны действиями Михаила Саакашвили в основном внутри страны и по этой причине даже готовы были его заменить, то западные политические силы оказались попросту не готовы к появлению нового лица во главе союзной НАТО, ЕС и США Грузии и продавили ребрендинг правящего режима, но во главе с тем же Саакашвили. Именно Саакашвили предстоит ввести свою страну в лоно НАТО, и хотя апрельский (2008 г.) саммит Североатлантического альянса не принял решения о сроках начала вступления Грузии в эту организацию, сам курс и Грузии, и НАТО навстречу друг другу остался неизменным. Значительную роль в ситуации вокруг Грузии, в том числе и вопросе ее возможного членства в НАТО, сыграл и так называемый косовский прецедент.

Общеизвестно, что Российская Федерация не хочет, чтобы у ее южных границ возникали базы Североатлантического блока. Такое явление значительно ослабит геополитические позиции России, в том числе не только на Южном Кавказе, но и на всем юго-восточном направлении. Кроме того, возможно резкое увеличение давления извне на население ряда северокавказских субъектов российской государственности. НАТО у ворот в преддверие проведения

¹ Единственным мне известным местом, где сегодня подводятся политические, социально-экономические и гуманитарные итоги каждого года для стран Кавказа (включая сюда и некоторые аспекты таковых итогов для Российской Федерации) является ежегодная конференция Института Кавказа. Надеюсь, что именно в этом месте и в этом качестве итоги будущих кавказских годов будут подводиться и впредь много-много лет.

Олимпийских игр в Сочи, помимо всего прочего, почти автоматически влечет за собой коренное изменение российской позиции по вопросу поддержки стремления народов Абхазии и Южной Осетии к признанному независимому от Грузии существованию.

Следовательно, кризис власти в Грузии осенью 2007 г. был выгоден Кремлю, но лишь в том случае, если в колоде реальных претендентов на грузинский престол находился бы претендент, готовый договариваться с Москвой по крайней мере на равных с Западом началах. То есть политик, склонный учитывать не только геополитические резоны своих западных новообретенных союзников, но и аргументы Москвы, а именно:

- Во-первых, как минимум нейтральный внешнеполитический курс государств, непосредственно граничащих с Россией на юге (к таковым Грузия относится в первую очередь).
- Во-вторых, благоприятствование гражданам РФ в их законных международно признанных правах и интересах, включая право на жизнь, свободу и стремление к счастью (здесь речь идет о гарантиях безопасности и суверенности для населения Абхазии и Южной Осетии, а также спокойствия и свободного передвижения их ближайшим соседям и родственникам по другую сторону российско-грузинской границы).
- В-третьих, нормальные, недискриминационные условия для деловой активности российского государства и граждан РФ на территории Грузии.
- В-четвертых, обеспечение свободного от запретов транзита через территорию Грузии (что имеет важнейшее значение не только для нашей страны).

Вот, пожалуй, и все. Четырехлетнее пребывание у власти Михаила Саакашвили не отвечало ни одному из перечисленных государственных интересов России. Отсюда и невысказанное официально, но тем не менее стойкое желание и стремление Москвы избавиться от него. Но опять помешал косовский вопрос, или прецедент.

Глава победившей на парламентских выборах в России в декабре 2007 г. политической партии «Единая Россия» и спикер парламента Борис Грызлов в первом же после подведения итогов голосования заявлении попугал Саакашвили тем, что «в ближайшее время новый состав Государственной Думы рассмотрит вопрос о призна-

нии Абхазии и Южной Осетии». Это заявление и последовавшие затем многочисленные заявления МИД РФ, политологов и депутатов с российской стороны сделали для пропаганды привлекательности вступления Грузии в НАТО среди грузинского народа гораздо больше, чем любые американские деньги или советы заокеанских политтехнологов. Ведь любому мало-мальски искушенному в политике человеку (я уж не говорю про политика такого если и не масштаба, то, по крайней мере, ранга как Борис Грызлов) должно быть ясно: ни одна из реальных грузинских политических сил на сегодняшний день даже теоретически не может ставить под сомнение вопрос о принадлежности Грузии Абхазии и Южной Осетии. Тот, кто выступает против территориальной целостности Грузии в грузинском понимании этого слова, хочет он того или нет, усиливает политическую поддержку ныне существующего режима, исходя из простого принципа «друг моего врага - мой враг».

России в первую очередь следовало бы отделить вопрос о лояльности Грузии по отношению к Москве от проблемы определения статуса Абхазии и Южной Осетии. Это было по большому счету ясно и до международного признания Косово государством, а уж после стало просто очевидным. Ведь РФ и Грузия фактически являлись союзниками в вопросе одобрения существования косовского государства, одновременно обе страны не хотели бы и портить отношения с ведущими спонсорами косовской независимости — США и ЕС. Вот почему сразу после признания Косова в публичной части российско-грузинских взаимоотношений началась самая настоящая пропагандистская война. Поводом были избраны меры гуманитарного характера, которые Россия предприняла по отношению к Абхазии. Характерно, что первоначально реакция официального Тбилиси была сдержанной, но после того как неопознанные самолеты и средства ПВО стали один за другим сбивать грузинские беспилотные самолеты-разведчики в небе над Абхазией, Грузия начала заявлять об агрессивной аннексионистской политике со стороны «великого северного соседа».

Одновременно и в Москве, и в Тбилиси начали предпринимать закулисные шаги по встраиванию в общую, или, вернее, доминирующую линию европейской политики по отношению к Косово. В МИД РФ решили направить в новое государство дипломатическую миссию России, что, естественно, означает фактическое (но

пока что не юридическое) признание Косова. В Грузии назначен никто специально не был, но делегация МИД Грузии имеет постоянный контакт с МИД Косова через миссию ЕС.

Несомненные параллели ситуация с отношениями РФ и балканскими странами имеет с кавказскими сюжетами и в сфере энергетической. В обмен на шумную, но реально малоэффективную пропагандистскую кампанию «не допустим независимости Косова» Москва попыталась купить сербские энергораспределительные кампании и пустить в страну по этим приватизированным сетям боковую ветку газпромовского любимого «Южного Потока». В результате рухнуло согласившееся было на этот проект правительство Коштуницы, а «проЕСовские» силы относительно выиграли внеочередные парламентские выборы. Мало для кого на сегодняшний день все еще остается секретом, что внешняя политика Москвы по отношению к партнерам по Содружеству независимых государств в течение всего 2007 г., равно как и 2006 г., определялась факторами энергетического рынка, а точнее говоря, ценами на поставляемые и транспортируемые туда или оттуда углеводороды. И еще пару лет назад некоторые российские аналитики пытались объяснить действия Кремля по отношению, скажем, к Украине (резкий рост цены на поставляемый газ, новогодняя газовая блокада и последующее внедрение рыночной схемы «Росукрэнерго») ее якобы наметившимся антироссийским политическим вектором. В качестве аргумента приводились в пример энергетические отношения с Белоруссией, для которой сохранялись низкие цены и льготный торговый режим якобы из-за наличия между нашими двумя странами особо близких союзнических и партнерских отношений. «Вы, остальные, берите пример с Белоруссии, тогда, дескать, и для вас газ будет дешев», повторяли на разные голоса интерпретаторы. Но 2007 г. Россия встретила ужесточением подхода и к белорусам, а вернее, рыночный подход возобладал и по отношению к Минску. Чуть ранее Тбилиси почти без споров подписал предложенные «Газпромом» документы по новым условиям поставок газа. Условия игры принял и Азербайджан, в результате переживший шоковое трехкратное повышение внутренних энерготарифов и практически перешедший с Москвой на равноправное партнерство, по крайней мере, в вопросах энергетики.

Стало понятно, что первый этап стратегического плана по усилению своего влияния в постсоветском мире - переход в экономи-

ческих взаимоотношениях с соседями на прозрачные и понятные (прежде всего для самих себя) правила игры обитатели Кремля провели в жизнь, и провели в целом успешно. Определены новые подгруппы постсоветских государств, разработана новая классификация, то есть методология, в соответствии с которой и должна строиться новая российская внешняя политика в ближнем зарубежье.

- Первая группа государств - страны Балтии и, по всей видимости, примкнувшая к ним Польша. Попугав их немного Североевропейским газопроводом, кризисом поставок в Мажейкяй, мясными санкциями и сардиново-шпротной «зарницей», Москва выяснила реальный политико-экономический вес этих государств в Европе и мире, поняла, что он по-прежнему не очень-то и велик, и потихонечку снижает градус пропагандистского и дипломатического противостояния.
- Вторая группа соседей - Белоруссия, Украина и Молдова. Правящие во всех трех странах силы Москве не нравятся, но все эти силы готовы соблюдать правила игры в экономике, которые Россия довольно жестко им продиктовала. Жесткость и по отношению к этим странам не очень сильно взволновала ЕС и НАТО, хотя в ряде политических вопросов Москва готова, по-видимому, уступить. Но эти вопросы имеют все признаки нерешаемых, и тут в общем-то нет разницы, кто будет их главным «нерешателем» - Москва, Вашингтон или Брюссель. К реальным экономическим и социальным реформам европейского типа в Минске еще не приступали (но, как показала небольшая газово-нефтяная битва, приступить вскорости придется), в Киеве, по большому счету, тоже настоящими реформами и не пахло. Кишинев во многом опередил в правовом смысле соседей, но очень слаб экономически. Следовательно, Россия сохраняет и упрочивает свое экономическое влияние в этих странах, не влезая особенно в их запутанную и не очень перспективную политическую жизнь.
- Далее следуют Азербайджан и Казахстан, к которым фактически может примкнуть Туркмения. Это государства экономически не очень сильно от России зависящие, следовательно, в евразийской ментальной логике (можно читать и как «в византийской») наиболее потенциально надежные геополитические союзники.

- Государства Центральной Азии, включая даже и Узбекистан, в их нынешних границах и экономико-политических реалиях Россия будет вынуждена поддерживать, прибегая при этом к помощи разного рода внешних контрагентов типа Китая, США, ЕС, Индии, Пакистана - в общем, кого только можно. Именно отсюда России грозят в ближайшем будущем реальные, а не пропагандистские враги: неконтролируемая миграция, болезни, бедность, наркомания, радикальный исламизм. И именно здесь Россию не ждет ничего хорошего с точки зрения рыночного хозяйствования, прибыльной внешней торговли и предсказуемого партнерства.
- Особняком и отдельно друг от друга стоят две небольшие страны. Одна – это все та же Грузия. Вторая - Армения. Судя по всему, им дано время определиться. Антироссийская риторика и действия руководства первой из этих стран ни к чему позитивному для Тбилиси не привели. Но и Россия ничего не выиграла, прибегнув к ответным и (к сожалению) адекватным и симметричным действиям. Теперь этот нулевой баланс сторонами осознан и, по всей видимости, преодолевается.

Перспективы же развития проведеншей давным-давно все мыслимые либерально-демократические реформы Армении зависят сегодня не столько от России (антиармянскую политику Москвы невозможно представить себе даже теоретически) и даже не столько от внутренних резервов страны и народа. Армения, как и Грузия, обречена на налаживание нормальных взаимоотношений с собственными соседями. Задача Москвы для Армении - попытаться содействовать этому процессу, не давая ни на верного союзника в Ереване, ни на надежных партнеров в Баку и в Анкаре.

* * *

Вот уже 14 лет как Грузия, Россия, ОБСЕ, ООН и прочая, прочая пытаются урегулировать ситуацию в Абхазии. Или вернее, пытаются использовать конфликт между грузинами и абхазцами, горячая фаза которого как раз 14 лет назад завершилась, в различных политических и других целях. В канун этой неюбилейной годовщины Российская Федерация начинает плавно, но неуклонно отме-

нять свои санкции, почти за 2 года до того введенные в отношении Грузии. В результате фактически остался только визовый режим, введенный еще раньше и по другому поводу: в связи с происками приграничных боевиков, международно терроризировавших российскую Чечню с попустительства грузинских властей. Что касается транспортно-экономической блокады, она последовала в ответ на задержание «русских шпионов» в Грузии. Одновременно та же Российская Федерация в одностороннем порядке снимает с себя обязательства по договору в рамках СНГ, который накладывал на непризнанное руководство Абхазии санкции ввиду отсутствия прогресса в вопросах возвращению туда беженцев - грузин (по разным данным, от 200 до 400 тыс.), покинувших абхазскую территорию в результате войн 1992 - 1994 гг.

Далее Москва в одно и то же время заверяет грузин в своей неизменной приверженности принципу территориальной целостности Грузии и тут же заявляет о том, что «любыми средствами» не допустит вступления Грузии в НАТО, и не допускает. Пока...

Далее тогдашний российский президент Владимир Путин дает распоряжение своему правительству, в котором требует фактически установления особого статуса во взаимоотношениях Москвы с Южной Осетией и Абхазией (признание внутренних паспортов этих юридически несуществующих республик, командирование на их территории российских дипломатов, возможность министерствам и ведомствам РФ открывать свои официальные представительства на этих территориях и т.п.). В ответ Грузия обращается к ООН, НАТО и пр. с требованием помочь в отражении попыток территориальной аннексии со стороны России и тут же заявляет о готовности подписать с Абхазией договор о неприменении силы. Ранее именно отказ Тбилиси от подписания такого давал повод абхазскому руководству отвергать мирные инициативы Саакашвили типа предоставления абхазам в едином с грузинами государстве широчайшей автономии, включая пост вице-президента Грузии и право вето. Естественно, зацепившись за строчку в тбилисском согласии «при условии начала процесса возвращения беженцев», президент Абхазии Багапш предложение Тбилиси сразу же отверг. Но - и это очень важно - во-первых, не менее 80 тыс. грузин в Абхазию уже вернулись, а во-вторых, согласие Саакашвили на гарантированный Москвой и ООН отказ от силового решения проблемы никак не

противоречит, а даже прямо вытекает из апрельской резолюции Совета безопасности ООН по Абхазии 2008 г. Согласно этому инициированному РФ документу, в частности, на очередные 6 месяцев легализуется пребывание российских миротворцев в касках СНГ и ООН между Абхазией и Грузией.

Призывы из Тбилиси осудить Москву за некое распоряжение уходящего со своего поста президента РФ встретили довольно вялый и, прямо скажем, дежурный отклик в НАТО и ЕС. И если в Абхазии расценили документ как «почти признание», то в Европе, по всей видимости, заранее были в курсе истинных намерений Кремля в этом вопросе. Да и в Тбилиси явно подозревают, что между «почти признанием» Абхазии Москвой и реальным повторением со стороны России «косовского прецедента» дистанция огромного размера, если вообще преодолимая. На это в начале мая 2008 г. прямо намекнул президент Саакашвили. В Батуми на встрече с российскими журналистами Саакашвили сказал, что при решении косовской проблемы сторонам нужно дать больше времени для переговоров. Саакашвили назвал признание независимости Косово «не самым лучшим выходом из ситуации». «Они поспешили с независимостью Косово», - заявил он¹.

Успокоив абхазцев некими почти что внутриаппаратного характера документами и реальными, но сугубо гуманитарными жестами, Россия явно все более интенсифицирует закулисный политико-экономический торг с Грузией, умело используя в своих целях такие организации, как ООН и даже НАТО.

Итогом очередной серии многосерийной картины «Россия – Грузия в виду Косова», эндшпиль которой развернется после 21 мая 2008 г. (день выборов в парламент Грузии), может стать переход от острой фазы противостояния по поводу Абхазии к гораздо более конструктивному взаимодействию, включая прямые переговоры грузин и абхазов, но под общим политическим контролем Москвы, ООН и НАТО по типу того, что происходит сейчас в отношениях Молдовы и Приднестровья.

В заключение хотелось бы сказать несколько весьма важных слов о том, что же такое «косовский прецедент» с точки зрения между-

¹ Саакашвили: признание рядом стран независимости Косово было поспешным. РИА Новости, 08.05.2008, <http://www.rian.ru/politics/20080508/106922075.html>

народного права и каковы в реальности могут быть его последствия для России, Грузии, Кавказа. И так, сербская провинция Косово объявила о своей независимости. Мировая политическая аудитория частично эту независимость признала, частично нет. Но и более полного, чем сейчас, постранового признания еще будет не вполне достаточно для того, чтобы считать край полноправным и полностью легитимным государством - участником всемирного «клуба». Необходимо, чтобы Косово стало членом Организации Объединенных Наций. А в этом вопросе имеются определенные сложности. Согласно статье 4 Устава ООН, прием в члены Организации открыт для всех других миролюбивых государств, которые примут на себя содержащиеся в уставе обязательства и которые, по суждению Организации, могут и желают эти обязательства выполнять. Здесь вроде бы все прозрачно и вполне разрешимо (неважно, как свои обязательства Косово будет выполнять в реальности, важно, кто будет этому выполнению давать оценки), но следующий пункт статьи 4 гласит: «2. Прием любого такого государства в Члены Организации производится постановлением Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности».

Следовательно, СБ, в котором действует право вето, является ключевым органом при решении вопроса о членстве какого бы то ни было государства в ООН. Обойти СБ в данном случае не может и высший орган ООН – Генеральная Ассамблея, сессии которой собираются ежегодно, поскольку она вправе принимать решения простым большинством голосов, но только такие, по которым не существует спорной ситуации в Совете Безопасности. Такие условия накладывает статья 12 Устава ООН. А противоречия (или «споры», как в Уставе) по поводу Косова есть, и они таковы, что вряд ли их внутри СБ удастся преодолеть. Россия вполне безболезненно для себя может наложить вето на любое решение по косовской проблематике, которое Российской Федерацию не устроит. Примерно такова же, хотя и в публично гораздо более спокойной, нежели российской реакция, форме и позиция другого обладателя права вето в Совете безопасности, Китая. Обойти в вопросе с признанием Косова Пекин вряд ли удастся, поскольку уже более 60 лет стоит вопрос о международном признании Тайваня, и уж в этом вопросе китайские власти не готовы ни к какому компромиссу и, следовательно, не заинтересованы в создании какого-либо прецедента.

Невозможно, скорее всего, и решение на уровне Европейского Союза. Поскольку ЕС, несмотря на отсутствие европейской конституции, вряд ли станет решать вопрос признания Косова с нарушением принципа консенсуса, а как минимум два члена Евросоюза выступают против (Испания и Кипр), то усилия апологетов легитимации косовского государства будут направлены на формирование неструктурированного пула государств-симпатизантов. То есть будут, в старой большевистской традиции, пытаться давить числом, а не умением, брать количеством в ущерб качеству. В данном случае попытка чреватая самыми непредсказуемыми последствиями в будущем, поскольку целый ряд стран, стремящихся войти в ЕС, никак не могут без ущерба для собственных жизненных интересов согласиться с «большинством». К числу таких относятся такие немаловажные для Европы территории, как Грузия, Армения и Азербайджан – потенциальные кандидаты в ЕС и одновременно – реальные члены Совета Европы, ПАСЕ, ОБСЕ и других квази-европейских объединений (куда, кстати, Косово тоже вынуждено будет пытаться войти для формальной, но одновременно и обязательной в любом случае для европейской страны легитимации). Министр иностранных дел Азербайджана Эльмар Мамедьяров выразил позицию своей страны достаточно четко, сказав: «Процесс признания независимости должен проходить в полном соответствии с резолюцией 1244 Совета Безопасности ООН и на основе Хельсинского Финального Акта, и независимо от его исхода, не должен создать какого-либо прецедента. После признания Косово для нашей страны очень важно, чтобы и сопредседатели, и все международные организации поняли, что нагорно-карабахский конфликт должен быть решен лишь в рамках территориальной целостности нашей страны. Иного решения Азербайджан просто не приемлет»¹.

Крайне осторожную позицию занимает и ООН. Ее Генеральный секретарь Пак Ги Мун полагает, что «признание тех или иных государств - это личное дело стран-членов Организации Объединенных Наций, а не генерального секретаря или секретариата ООН. Моей основной целью остается обеспечение безопасности населе-

¹ Э.Мамедьяров: “Определение статуса Косово не должно стать прецедентом для Карабаха”. PanARMENIAN.Net, 06.12.2005, <http://www.panarmenian.net/news/rus/print/?nid=15689>

ния Косово, особенно национальных меньшинств, поддержание международного мира и безопасности, а также общей стабильности в Косово и в регионе, обеспечение безопасности персонала ООН, сохранение достижений и наследия ООН в Косово и на Балканах в целом»¹.

Вот, кстати, и объяснение для вроде бы «странной» игры России, направившей в Косово некую дипломатическую миссию (см. выше) и готовящейся вроде бы направить нечто аналогичное в Абхазию. РФ мало что теряет от такого «полупризнания» в случае с Косово и одновременно за этот жест частично легитимизирует свои особые отношения с Абхазией.

Что же в реальности произойдет, когда процесс постранового признания Косова в основном будет завершен, и можно будет подводить предварительные итоги? Получится очень странное с точки зрения ныне действующей системы международного права государство. Оно не будет членом ООН. Оно не будет подконтрольно европейской системе безопасности, пока еще опирающейся на ОБСЕ. Оно не будет подпадать под юрисдикцию Совета Европы и его юридических структур в виде Суда по правам человека. Оно будет вне зоны контроля со стороны БДИПЧ. То есть признание со стороны целого ряда государств не позволит Косову преодолеть барьеры на пути его реального международного признания, не введет Косово в рамки международного права, при этом Косово останется зоной, свободной от любых серьезных международных обязательств. Будут ли там действовать демократические институты, будут ли там проводиться свободные и равные выборы, будут ли, в конце концов, соблюдаться элементарные права человека? Все это останется для европейского и всего мирового сообщества неизвестным.

Столь же неизвестно, как будут функционировать и те институты, которые входят в качестве стандартного набора в число основных функций любой уважаемой и уважающей себя страны. К примеру, функции обороны и безопасности Косово также останутся вне зоны легитимного международного контроля. Равно как и функции таможи - немаловажного инструмента для недопущения

¹ «Косово - это крайне особый случай». Интервью с Генеральным секретарем ООН Пак Ги Мун, «Время новостей», 11.03.2008, <http://www.vremya.ru/2008/39/5/199338.html>

превращения Косово в европейскую «черную дыру» для ворованных автомобилей и прочих ценных вещей.

Недаром автор знаменитого косовского плана Марти Ахтисаари в начале мая 2008 г. заявил: «В идеальном варианте независимость должна была бы стать реальностью еще в 1999 г. Следовательно, у Косово было время подготовиться. В стране есть ресурсы, в частности бурый уголь и минералы, но безработица достигает гигантских масштабов – примерно 40-60% жителей не имеют работы. Поэтому необходимо как можно скорее интегрировать страну в содружество наций. Всемирный банк и Международный валютный фонд должны помочь, ... Евросоюз в этом процессе должен сыграть ведущую роль»¹.

Сегодня страны-члены пока еще неформального клуба друзей Косова на эти и подобные вопросы стараются не отвечать и даже делают вид, что и вопросов таких нет. Действительно, косовский случай уникален и беспрецедентен. Но столь же уникален и случай с Абхазией, мало похож на него и случай с Южной Осетией. Куда-то выпадает из мифического общего ряда случай с Нагорным Карабахом. Совершенно на них непохож и приднестровский казус. Чего уж вспоминать полную уникальность восточнотиморскую или более раннюю эритрейскую?

Когда по мере обретения независимости в Организацию Объединенных Наций одна за другой вступали бывшие союзные республики, никто в ООН и за ее пределами не задавался вопросом о том, насколько легитимными правами обладают новые субъекты международного права. Тогда и таким образом появились Грузия в границах Грузинской ССР, Молдова в границах Молдавской ССР, Армения и Азербайджан в границах соответственно Армянской и Азербайджанской ССР. Те же бывшие автономии в составе бывших союзных республик, которые не устраивало такое положение дел, попробовали выразить собственное мнение и получили в итоге войну. Как ни странно, именно они эту войну и выиграли, но только де факто. Де юре же - получили сомнительный статус «непризнанных государств», от которого постоянно пытаются избавиться.

¹ Автор «косовского плана» Ахтисаари: Сербия ничего не сделала для интеграции косоваров, независимость - единственный путь. NEWSru.com, 05.03.2008, <http://www.newsru.com/world/05mar2008/marti.html>

С момента создания ООН в 1945 г. и до сегодняшнего дня более 70 новых стран появилось на карте мира, то есть в среднем по одному суверенному члену в год. Каждый раз для международного признания претенденту требовался серьезный спонсор. В годы деколонизации, к примеру, таковым выступал СССР. После того, как его влияние стремительно упало до нуля, эту роль сохранили за собой США. Начиная с 1989 г., сперва в Югославии, потом в Восточной Германии, а затем и в СССР хельсинские договоренности многократно нарушались, и нарушения затем так или иначе фиксировались ООН в качестве легитимных. Если черногорско-косовский вариант лежит в русле основного направления сегодняшней мировой политики, то и Приднестровье, и Южная Осетия, а вслед за ними - Абхазия и, может быть, Нагорный Карабах все-таки будут признаны?

Уверенности в таком исходе пока нет. Дело в том, что национально-территориальные изменения 1990-х гг. происходили при крахе биполярной структуры мира и активно поддерживали складывавшийся тогда мир однополярный, с гегемонией США. Реформирование и модернизация Балкан ныне идет уже по сценарию не столько бывшего еще пять лет назад полноправного мирового гегемона США, сколько происходит в интересах нового полюса международного влияния в лице набравшего силу ЕС. При согласии и Вашингтона, естественно.

Следовательно, судьба подлинной независимости и признания непризнанных территорий вокруг России, будет зависеть от того, превратится ли в ближайшее время Россия в реального партнера ЕС и США по крайней мере в регионе Большой Европы, как раньше любили говорить, «от Атлантики до Урала». Пока что налицо мощный рывок Москвы к привычным для нее вершинам мировой политики. Но дистанция до них все еще большая. Пока что Российская Федерация вернула себе право совещательного голоса, в некоторых случаях - с правом вето. Без учета мнения Москвы ни Европейскому Союзу, ни США уже не решить окончательно ни косовского вопроса, ни какого-либо еще национально-территориального. Но и однозначно согласиться с точкой зрения Российской Федерации «традиционные» центры влияния не могут. Так что лучшее решение - никакого однозначного решения.